

·thebigbook·

Кейт Мосс

ОГНЕННЫЕ ПАЛАТЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 83

Kate Mosse
THE BURNING CHAMBERS
Copyright © Mosse Associates Ltd 2018
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-15552-7

© И. А. Тетерина, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается, как всегда,
моим любимым Грегу, Марте и Феликсу,
а также моей замечательной свекрови,
бабушке Розе*

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать;
время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать;
время разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться;
время сетовать, и время плясать;
время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять;
время сберегать, и время бросать;
время раздирать, и время шивать;
время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть;
время войне, и время миру.

*Книга Екклесиаста, 3: 1–8,
Библия короля Якова*

Религиозные войны

Историческая справка

Религиозные войны — серия затяжных гражданских войн, которые после многолетнего конфликта начались с массового убийства 1 марта 1562 года безоружных гугенотов в городке Васси в Шампани католиками под командованием Франциска, 2-го герцога де Гиза. Закончились они (после того, как несколько миллионов человек погибли или были изгнаны из родных мест) подписанием Нантского эдикта 13 апреля 1598 года Генрихом IV Наваррским, королем-гугенотом. Самым печально известным эпизодом Религиозных войн стала Варфоломеевская ночь — резня гугенотов, устроенная католиками в Париже, в ночь на 24 августа 1572 года, в канун Дня святого Варфоломея. Однако множество подобных случаев имело место в городах и деревнях по всей Франции как до, так и после этого, в том числе в Тулузе между 13 и 16 мая 1562 года, когда были убиты более четырех тысяч человек.

Нантский эдикт стал не столько отражением подлинного стремления к веротерпимости, сколько признанием бессилия и попыткой разрубить гордиев узел зашедшего в тупик военного противостояния. Он принес хрупкий мир в страну, истерзанную конфликтами на почве религиозных догматов и борьбы за престолонаследие и практически разоренную в процессе. 22 октября 1685 года внук Генриха IV, Людовик XIV, отменил Нантский эдикт в Фонтенбло, дав тем самым толчок массовому исходу из Франции гугенотов, которые на тот момент еще там оставались.

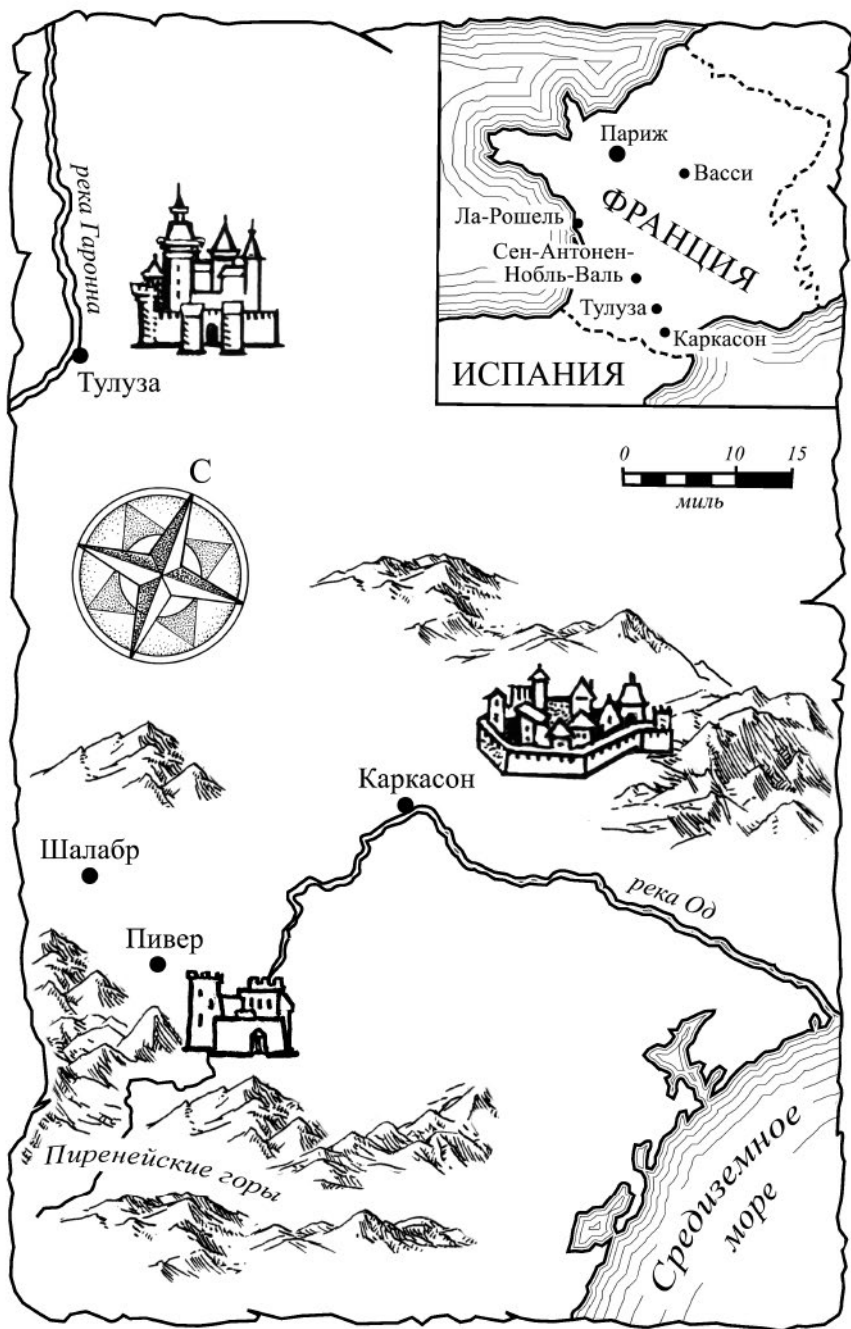
Численность гугенотов никогда не превышала одной десятой доли всего населения Франции, однако они обладали значительным влиянием. История французского протестантизма является неотъемлемой частью более широкой истории Реформации в Европе: от 95 тезисов Мартина Лютера, 31 октября 1517 года прибитых им к двери Замковой церкви в Виттенберге, и упразднения

Генрихом VIII Английским монастырей, начавшегося в 1536 году, до организации евангелистом Жаном Кальвином в 1541 году в Женеве прибежища для изгнанников из Франции и возможности для беженцев протестантского вероисповедания получить приют, который стали предоставлять Амстердам и Роттердам с конца 1560-х годов. Во Франции камнем преткновения стали право проводить церковные службы на родном языке, отрицание почитания мощей святых и необходимости духовенства как посредника между человеком и Богом, более строгое следование словам Библии и стремление к простоте в отпавлении религиозных обрядов, основанной на правилах жизни, изложенных в Писании; отказ от излишеств и злоупотреблений, присущих католической церкви и вызывающих у многих возмущение; природа таинства евхаристии: пресуществление (трансубстанциация) Святых Даров (вина и хлеба) в Кровь и Тело Христово или их сопричастие (консубстанциация). Однако же большинство простых людей от всех этих богословских вопросов были весьма далеки.

До нас дошло множество необыкновенных историй о гугенотах, а влияние этой небольшой горстки людей, вынужденной искать спасения от гонений в Голландии, Германии, Англии, Канаде и Южной Африке и привезшей туда с собой свои знания и умения, просто поразительно.

«Огненные палаты» — это серия романов, действие которых разворачивается на фоне исторических событий протяженностью в триста лет — начиная с Франции XVI века и заканчивая Южной Африкой XIX века. Все персонажи этого повествования, если не оговорено обратное, являются вымышленными, хотя и списанными с людей того сорта, которые вполне могли существовать в действительности. С самых обычных мужчин и женщин, борющихся за возможность жить и любить наперекор всему во время Религиозных войн и исторических пертурбаций.

Есть вещи, которые не меняются.

Главные действующие лица

Каркасон: Ситэ

Маргарита (Мину) Жубер
Бернар Жубер, ее отец
Эмерик, ее брат
Алис, ее сестра
Риксенда, их служанка
Беранже, сержант королевского гарнизона
Мари Гали, местная девушка

Каркасон: Бастида

Сесиль Нубель (в девичестве Кордые), хозяйка пансиона
Месье Санчес, сосед, крещеный еврей
Шарль Санчес, его старший сын
Оливер Кромптон, предводитель гугенотов
Филипп Деверо, его кузен
Альфонс Бонне, работник
Мишель Казе, солдат-гугенот

Тулуза

Пит Рейдон, гугенот
Видаль (монсеньор Валентин), дворянин и священнослужитель
Мадам Буссе, тетя Мину
Месье Буссе, дядя Мину
Мадам Монфор, вдова, его сестра и экономка
Мартино, дворецкий в доме Буссе
Жак Бональ, слуга Видаля, убийца
Джаспер Маккон, английский ремесленник, протестант
Феликс Прувер, студент, гугенот

Замок Пивер

Бланш де Брюйер, хозяйка замка Пивер

Ашиль Лизье, деревенский сплетник

Гильом Лизье, его внучатый племянник и солдат в замке Пивер

Поль Кордые, деревенский аптекарь, кузен Сесиль Нубель

Анна Габиньо, деревенская повитуха

Маргарита де Брюйер, покойная хозяйка замка Пивер

Исторические личности

Пьер Дельпеш, торговец оружием из Тулузы, католик

Пьер Юно, дворянин, предводитель гугенотов Тулузы

Капитан Со, предводитель гугенотов Тулузы

Жан Баррель, пастор гугенотской церкви в Тулузе

Жан де Мансенкаль, президент парламента Тулузы

Франсуа (Франциск I) Лотарингский, герцог де Гиз,
глава Католической лиги

Анри (Генрих I), его старший сын и наследник

Шарль (Карл), его брат, кардинал Лотарингский

ПРОЛОГ

Франсхук

28 февраля 1862 года

Женщина одиноко стоит под пронзительно-синим небом. Вечнозеленые кипарисы и буйные заросли травы обрамляют кладбище. Выгоревшие на беспощадном солнце Капского полуострова серые камни надгробий цветом напоминают человеческие кости.

Hier Rust. Здесь покоится.

Она высокая, с необыкновенными глазами, которые все представительницы слабого пола ее семьи наследуют из поколения в поколение, хотя ей об этом неизвестно. Женщина наклоняется, чтобы прочесть имена и даты, высеченные на замшелом надгробии. Полоска белой кожи сзади на шее между высоким белым воротничком и припорошенными пылью полями кожаной шляпы уже начинает наливаться краснотой. Здешнее солнце слишком жгучее для нежной кожи европейки, а она много дней подряд скакала верхом через вельд.

Она стягивает перчатки и вкладывает одну в другую. Слишком много их уже потеряно, чтобы позволить себе быть невнимательной, и потом — откуда она возьмет новую пару? В этом гостеприимном захолустье есть два универсальных магазина, но ничего такого, на что можно было бы ее обменять, у нее уже практически не осталось, а наследство потрачено, все разошлось за время долгого путешествия из Тулузы в Амстердам, а оттуда до мыса Доброй Надежды. Все до последнего франка ушло на провизию и рекомендательные письма, лошадей и надежного проводника, без которого путешествие по этой чужой стране было бы невозможно.

Перчатки выскальзывают из пальцев и падают на землю у ее ног. Мелкая медно-рыжая пыль африканского юга облаком взви-

вається в воздух, потым медленна оседає абратно. Чэрный глянецвіты жук рэшытэльно спешыт паскорее скрытыся.

С губ жэныны срываеця протяжны вздох. Наконеч-то она здэсь.

Она шыла па следу, который прывел яе с бэрегов рек Од, Гаронны і Амстела, чэрэз бурныя моря, туды, дзе Атлантака сустрачаеця с Індыйскім океанам, — на мыс Добрай Надэжды. *Car de Bonne Espérance*.

Іногда след гэты быў ослепітэльно-яркым. Історыя двух семей і сэкрат, перадаваемы із пакаленья в пакаленья. К яе матэры ад бабкі, а к той ад прабабкі, а та в сваю ачэрэдзь узнала яго ад сваёй матэры. Імяна іх давным-давно канулі в Лету, пагрэбеныя пад наслоеньямі імяна іх мужей, братъев і любовніков, но дух іх жывет в ней. Она знаэт гэто. Наконеч-то яе поіскы завэршытася здэсь. Во Франсхуке.

Ci gît. Здэсь пакоітся.

Жэнына стаскываэт с сэбя кожаную шыляпу наездныцы і прынімаеця абмахыватыся ёю. Шырокія поля колышут абжыгаюшы ваздух. Спасенія ад зноя нэт. Жарко, как в раскаленнай пэчы, і яе лыняныя валосы потэмнелы ад пота. Яе не шышком заботыт сэбствэнная внэшность. Она перэжыла буры, попытки унычтожыт яе репутацыю і яе саму, похыщэннае імушчэство і растоптанную дружба, которыя, как ёй казалось, должны былы астагыся в яе распоряджэны навсэгда. І все рады того, чтобы очутытыся здэсь.

На гэтым запушчэнным кладбшыцэ в гэтым захолустном городке на краю свэта.

Она расстэгываэт седельную сумку і запускаэт руку внутрь. Яе пальцы мымолэтно касаютыся малёнькой старынной Біблшы — талысмана, который у нее в сэгды с сэбой на удачу, — но із сумкы ізвлекаэт днёвнык в абложке із мягкой рыжэй кожы, в два аборота перэвязанны шынуром, чтобы не развалылся. Под абложкой хранятыся пысьма і нарысованныя ад руки карты — а ячэ завещаные. Некоторыя страныцы выбылысь, іх уголкы торчат наружу, точно острыя граней алмаза. Гэто хроника поісков іх семей, анатомыя многувэковой вражды. Еслы яе догадака верна, гэта тетрадь XVI вэка — аснованые прэдыявыты сэвы права на то, что по закону прынадлэжыт ёй. Более чэм тры сотны лет спус-

тя состояние и доброе имя семьи Жубер наконец будут восстановлены. Справедливость восторжествует.

Если ее догадка верна.

И тем не менее она не может заставить себя взглянуть на имя на могильном камне. Желая продлить этот последний миг надежды как можно дольше, она вместо этого открывает дневник. Порыжевшие от времени чернила, архаичный язык, взывающий к ней сквозь столетия. Она знает наизусть каждый слог, точно катехизис, вбитый в голову в воскресной школе. Первая запись.

Сегодня день моей смерти.

Она слышит посвист пролетающего мимо краснокрылого скворца и крик ибиса в зарослях кустарника на краю кладбища. Невозможно даже представить, что еще месяц назад эти звуки были для ее слуха экзотическими, а теперь стали обыденными. Костяшки ее стиснутых рук побелели от напряжения. А вдруг она все-таки ошибается? А вдруг это конец, а никакого не начало?

Перед лицом Господа нашего здесь своею собственной рукой пишу я эти строки. Мою последнюю волю и завещание.

Женщина не молится. Она не может. История несправедливостей, причиненных во имя религии ее предкам, неоспоримо доказывает, что Бога не существует. Ибо что это за Бог, если он допускает, чтобы столько людей погибло ужасной мученической смертью во имя Него?

И все же вскидывает глаза вверх, словно ждет какого-то знака. Февральское небо здесь, на мысе Доброй Надежды, такое же ярко-синее, как в Лангедоке. Одинаково яростные ветры гонят пыль по равнинам мыса Доброй Надежды и по гариге французского Юга. Жаркое дыхание земли, которое взметает в воздух вихри мельчайшего рыжего песка и запорашивает глаза. Эти ветры свистят на серо-зеленых горных перевалах, проносясь над тропами, протоптанными ногами людей и животных. Сюда, в эту глушь, которая когда-то именовалось Слоновым Углом, пока не пришли французы.

В неподвижном воздухе разлит зной, ни одна травинка не кольхнется. Собаки и полевые работники укрылись в тени. Черные оградки отмечают границы каждого участка: семьи Вильерс, семьи Ру, семьи Журден — все они представители реформи-

рованной религии, бежавшие из Франции в поисках пристанища. В году 1688-м от Рождества Христова.

Были ли среди них и ее предки?

Вдалеке, за мраморными ангелами и надгробными камнями, вздымаются к небу Франсхукские горы, и женщину внезапно пронзает воспоминание о Пиренеях: острая и отчаянная тоска по дому железным обручем сдавливает ей грудь. Зимой они белые, а весной и ранним летом — зеленые. Осенью же серые скалы одеваются в багрянец, прежде чем весь цикл начнется заново. Чего бы она не отдала, лишь бы снова увидеть их!

Путешественница вздыхает, ведь ее родина далеко-далеко.

Из-под потертой кожаной обложки дневника она достает карту. Ей прекрасно знакомы каждая отметинка, каждая складочка и клякса, и все равно женщина вновь принимается разглядывать ее. В который раз читает названия ферм, имена первых гугенотских поселенцев, которые после многих лет скитаний и жизни на чужбине обосновались в этих краях.

Наконец она опускается на корточки и, протянув руку, кончиками пальцев повторяет очертания букв, высеченных на надгробном камне. Поглощенная своим занятием, она — которую жизнь научила никогда не ослаблять бдительности! — не слышит шагов у себя за спиной. Не замечает тени, которая заслоняет солнце. Не чувствует запаха пота, голландского кирпича и кожи, долгой скачки через вельд, до тех пор пока в затылок ей не упирается твердое дуло пистолета.

— Вставай.

Она пытается обернуться, взглянуть в его лицо, но холодный металл впивается ей в кожу. Она медленно распрямляется.

— Отдай мне дневник, — произносит он. — Если сделаешь все, как я скажу, я тебя не трону.

Ей известно, что он лжет, ибо этот человек преследовал ее слишком долго, а ставка слишком высока. Три сотни лет его семья пыталась уничтожить ее семью. Как может он отпустить ее с миром?

— Давай его сюда. Без резких движений.

Лед в голосе врага страшит сильнее, чем ярость, и она инстинктивно крепче сжимает книжечку и ее драгоценное содержимое. После всего, что ей пришлось вынести, она не намерена

преподнести это сокровище ему на блюдечке. Но его железные пальцы впиваются в плечо сквозь белый хлопок рубашки, причиняя боль. Женщина невольно ослабляет хватку. Дневник падает на землю и распахивается. Завещание и купчие веером разлетаются по кладбищенской пыли.

— Вы следовали за мной из Кейптауна?

Ответа она не получает.

У нее нет пистолета, зато есть нож. Когда он наклоняется подобрать листки, она выхватывает свой кинжал из-за голенища сапога и всаживает ему в предплечье. Если ей удастся обезвредить его, пусть хотя бы на миг, — она сможет попытаться схватить бумаги и убежать. Но он предвидел нападение и успеваает вернуться. Ее клинок оставляет у него на руке лишь небольшую царапину.

Жертва успеваает заметить его замах лишь за мгновение до того, как его кулак впечатывается ей в висок. Перед глазами мелькают черные волосы со змеящейся в них белой прядью. Потом она слепнет от боли: удар пистолета рассекает кожу на виске. Чувствует, как по щеке бежит струйка крови, густой и теплой. А потом падает.

В последние секунды перед тем, как меркнет ее сознание, она с болью думает о том, что вот, оказывается, как суждено завершиться ее истории: в глухом углу забытого кладбища на другом краю света. Истории об украденном дневнике и наследстве. Истории, которая началась три сотни лет назад, накануне гражданских войн, которые поставили Францию на колени.

Сегодня день моей смерти.

ЧАСТЬ I

КАРКАСОН

Зима 1562 года

ГЛАВА 1

Тюрьма инквизиции, Тулуза

Воскресенье, 24 января

— Ты предатель?

— Нет, мой господин.

Узник не был уверен, произнес он эти слова вслух или они прозвучали только лишь в его собственном помраченном мозгу.

Выбитые зубы и переломанные кости, металлический вкус запекшейся крови во рту. Сколько он уже здесь? Несколько часов, несколько дней?

Всю жизнь?

Инквизитор щелкнул пальцами. Арестант услышал визг заточиваемого лезвия, увидел кандалы и клещи, лежащие на деревянном столе перед очагом. Вздохнули меха, раздувая тлеющие уголья. На краткий миг он даже получил передышку от боли в исполосованной до мяса спине: боль отступила, заглушенная крошечным ужасом при мысли о новой пытке. Нахлынувший страх перед тем, что ему было уготовано, затмил, пусть и на мгновение, стыд. Увы, он оказался слишком слаб, чтобы вытерпеть все то, чему его подвергали. Он был солдатом. На поле боя он сражался храбро и отважно. Как же так вышло, что ему оказалось не под силу выдержать это, что он сломался?

— Ты предатель. — Голос был тусклым и ровным. — Ты изменил королю и Франции. У нас имеются показания многочисленных свидетелей, подтверждающие это. Они избличают тебя! — Инквизитор швырнул на стол ворох бумаг. — Протестанты — ты и тебе подобные — споспешествуют врагу. Это государственная измена!

— Нет! — прошептал узник, ощутив на своей шее теплое дыхание тюремщика. Правый глаз у него заплыл от побоев, но несчастный чувствовал приближение своего мучителя. — Нет, я...

Он загнулся, ибо что ему было сказать в свое оправдание? Здесь, в тюрьме инквизиции в Тулузе, он был врагом.

Все гугеноты были врагами.

— Я верен короне. Моя протестантская вера не означает...

— Твоя вера — не что иное, как ересь. Ты отступился от истинного Бога.

— Это не так. Пожалуйста. Это все какая-то ошибка.

Он слышал в собственном голосе умоляющие нотки и стыдился этого. Знал, что, когда снова придет боль, ему придется сказать все, что они захотят услышать. Хоть правду, хоть неправду — у него просто не было больше сил сопротивляться.

На миг его охватила какая-то странная нежность, ну или ему так почудилось в его отчаянном положении. Он еле уловимо шевельнул пальцами, точно рыцарь, приветствующий свою даму. На краткое мгновение в памяти его воскресли все чудесные вещи, которые существовали в мире. Любовь и музыка, красота первых весенних цветов. Женщины, дети и мужчины, рука об руку прогуливающиеся по нарядным улицам Тулузы. Места, где люди могли спорить и не соглашаться друг с другом, отстаивать свои убеждения горячо и со знанием дела и в то же самое время уважительно и с достоинством. Там вино лилось рекой и всегда было вдоволь еды: инжира, вяленого окорока и меда. В том мире, где он когда-то жил, сияло солнце, а бескрайнее синее небо простиралось над городом, точно гигантский шатер.

— Мед, — пробормотал он.

Здесь, в этом подземном аду, больше не существовало времени. Попав в этот каменный мешок, человек исчезал, и больше его не видели никогда.

Занятый этими мыслями, он на миг отключился от происходящего. Тем оглушительнее оказалась обрушившаяся на него без предупреждения боль. Железные клещи стиснули его, впились в кожу, раздирая мышцы и дробя кости.

У него не осталось больше никаких чувств, лишь боль, заслоняющая собой все на свете, и все же на миг ему почудился голос товарища по несчастью, доносящийся из соседнего застенка. Тот был человек образованный, книголюб и книготорговец. Несколько дней их держали в одной камере. Человек в высшей степени достойный, он очень любил троих своих детей и с неподдельным горем рассказывал о своей жене, которую унесла болезнь.

За сырой стеной камеры послышался негромкий голос другого инквизитора: товарища тоже допрашивали. Затем узник различил свист *chatte de griffe* — кошки-девятыхвостки — и глухой удар в тот миг, когда ее железные крючья впились в кожу. Вопль, последовавший за этим, стал для него потрясением: до сих пор его товарищ стойчески переносил пытки без единого стога.

До него донесся лязг железной двери: она открылась и закрылась вновь. В камеру вошел кто-то еще. Но была то его камера или соседняя? Последовало негромкое бормотание, потом шелест бумаги. На один благословенный миг он решил, что его мучениям, возможно, наступил конец. Потом инквизитор откашлялся и допрос возобновился.

— Что тебе известно об Антиохийской плащанице?

— Я ничего не знаю ни о каких реликвиях.

Это была правда, хотя узник понимал, что его слово не стоит здесь ровным счетом ничего.

— Святая реликвия была похищена из церкви Сен-Тор лет этак пять тому назад. Есть люди, которые утверждают, что ты был в числе тех, кто приложил к этому руку.

— Как это возможно? — закричал арестант, внезапно найдя в себе силы сопротивляться. — Ноги моей не было в Тулузе до... до сих пор.

— Если ты скажешь, где спрятана плащаница, этот разговор между нами прекратится, — настаивал инквизитор. — Святая Церковь в своей несказанной милости раскроет тебе свои объятия и примет тебя обратно в свое лоно.

— Мой господин, даю вам слово, я...

Запах собственной горелой плоти ударил ему в нос еще прежде, чем до сознания докатилась боль. Как же быстро человек способен превратиться в скулящее животное, в жалкий кусок мяса.

— Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Я ведь спрошу тебя еще раз.

Теперь эта боль, хуже которой еще не было, принесла ему временную передышку. Он провалился в милосердную тьму, туда, где у него были силы выдержать этот допрос и где правдивый ответ даровал ему спасение.

ГЛАВА 2

Ситэ

Суббота, 28 февраля

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti¹.

Ком глины с глухим стуком упал на крышку гроба. Сквозь белые пальцы посыпалась бурая земля. Потом к разверстой могиле протянулась еще одна рука, за ней еще и еще, и песок и камни забарабанили по дереву, точно дождь. Детские плечики, закутанные в черный отцовский плащ, содрогались от приглушенных рыданий.

— Отец наш всемогущий, Тебе вверяем мы ныне душу усопшей рабы Твоей Флоранс Жубер, возлюбленной жены и матери. Упокой душу ее в Небесном Царствии Твоем. Аминь.

Свет вдруг на глазах начал меняться. Промозглая кладбищенская серость превратилась в чернильную тьму. Глина стала багряной кровью. Теплой и свежей на ощупь, скользкой на ладонях. Затекающей в складочки и трещинки на ее пальцах. Мину опустила глаза и посмотрела на свои окровавленные руки.

— Нет! — закричала она, выныривая из вязкой пелены сна.

В первое мгновение Мину не могла сообразить, где находится. Потом комната перед глазами начала мало-помалу обретать четкость, и девушка поняла, что снова заснула в своем кресле. Неудивительно, что ничего хорошего ей не приснилось. Мину перевернула руки ладонями вверх. Они были совершенно чистыми. Ни земли под ногтями, ни крови на коже.

Это был просто кошмар, и ничего более. Воспоминание о том ужасном дне, когда, пять лет тому назад, они предали земле их любимую мамочку. Воспоминание, переплавившееся в нечто иное. В мрачные видения, материализовавшиеся из воздуха.

---

¹ Во имя Отца и Сына и Святого Духа (*лат.*).

Мину взглянула на раскрытую книгу, лежащую у нее на коленях, — размышления английской мученицы Энн Аскью — и задалась вопросом, не в ней ли кроются причины ее беспокойного сна.

Она потянулась, разминая затекшее тело, и оправила помятую рубаху. Свеча успела догореть до основания, и воск белесой лужицей растекался по темному полу. Который же теперь час? Мину бросила взгляд в окно. Сквозь щели в ставнях пробивался свет, крестообразным узором ложась на истертые половицы. С улицы доносился обычный предутренний шум пробуждающегося с рассветом Ситэ. Бряцали оружием стражники, обходящие дозором крепостной вал и медленно прохаживающиеся вверх-вниз по крутой лестнице, ведущей на башню Маркье.

Мину отдавала себе отчет в том, что надо бы поспать еще. Суббота всегда была в книжной лавке ее отца самым горячим днем, даже во время Великого поста. Теперь, когда ответственность за заведение лежит на ее плечах, возможностей передохнуть до конца дня будет не слишком много. Но в голове у нее, подобно скворцам, которые носились, то взмывая в небо, то камнем падая вниз, над башнями замка Комталь осенью, крутилось слишком много мыслей.

Мину приложила руку к груди и почувствовала, как сильно бьется сердце. Сон, такой яркий, выбил ее из колеи. Никаких оснований полагать, что их лавка вновь окажется под прицелом, не было: ее отец не совершил ничего дурного, он был добрым католиком, — и все же она не могла отделаться от мысли, что за эту ночь что-то произошло.

В другом конце комнаты спала крепким сном ее семилетняя сестренка, черные кудри малышки облаком разметались по подушке. Мину потрогала лоб Алис и обрадовалась, обнаружив, что кожа прохладная на ощупь. Понравился ей и тот факт, что выдвижная кровать, где иногда ночевал их тринадцатилетний брат, когда не мог уснуть, пуста. Слишком уж часто в последнее время Эмерик прокрадывался к ним в комнату, утверждая, что ему страшно одному в темноте. «Знать, совесть у него нечиста», — заявил им священник. Интересно, про ее ночные кошмары он сказал бы то же самое?

Мину наскоро ополоснула лицо холодной водой, протерла влажной ладонью подмышки. Потом надела юбку, застегнула

кертл, после чего тихонько, чтобы не потревожить Алис, взяла позаимствованную из лавки книгу и на цыпочках вышла из их комнатки на чердаке. Спустившись по лестнице, она миновала дверь в комнату отца и крохотную клетушку, где спал Эмерик, потом спустилась еще на этаж ниже и очутилась на нижнем, вровень с улицей, этаже.

Дверь, отделявшая коридор от их просторной общей комнаты, была закрыта, но через плохо пригнанный косяк проходили все звуки; до Мину донеслись звяканье кастрюль и лязг цепи над очагом: их служанка вешала на крюк железную бадью с водой, намереваясь ее вскипятить.

Она приоткрыла дверь и прошмыгнула внутрь в надежде взять с полки ключи от лавки, не привлекая внимания Риксенды. Служанка была добродушной, но очень любила почесать язычком, а Мину сегодня утром не хотелось задерживаться.

— Доброе утречко, мадемуазель, — затараторила Риксенда. — Вот уж не ожидала, что вы подскочите ни свет ни заря. Никто еще даже не поднимался. Принести вам что-нибудь заморить червячка?

Мину вскинула вверх ключи:

— Мне нужно поторапливаться. Когда отец проснется, скажешь ему, что я решила пораньше пойти в Бастиду, подготовить все в лавке? Раз уж сегодня базарный день, надо этим воспользоваться. Он может не спешить, если вдруг соберется...

— Ох, радость-то какая, хозяин собрался пойти...

Риксенда осеклась, натолкнувшись на взгляд Мину.

Хотя ни для кого не было секретом, что ее отец вот уже много недель подряд не выходил из дома, об этом никогда не говорили вслух. С тех пор как Бернар Жубер вернулся в Каркасон из своих зимних странствий, его словно подменили. Из когда-то улыбчивого человека, у которого для каждого находилось ласковое слово, доброго соседа и верного друга он превратился в собственную бледную тень. Угрюмый и замкнутый, упавший духом, он больше не заикался ни об идеях, ни о мечтах. Мину больно было видеть отца таким подавленным, и она часто пыталась выманить его из пучины черной меланхолии. Но едва ей стоило спросить, что его тревожит, как глаза ее отца стекленели. Он принимался бормотать что-то о ненастной погоде и вет-

ре, о своих стариковских хворях и недомоганиях, а потом вновь погружался в угрюмое молчание.

Риксенда залилась краской:

— Pardon, мадемуазель. Я передам ваши слова хозяину. Но вы точно не хотите ничего выпить? На улице холодно. А может, поедите? Там есть кусочек *pan de blat*¹, а еще с вечера пудинга чуток осталось...

— До свидания, — твердо произнесла Мину. — Увидимся в понедельник.

Каменные плиты пола сквозь чулки холодили ступни, в воздухе от дыхания перед лицом стыл белесый пар. Мину сунула ноги в кожаные башмаки, взяла со стойки чепец и плотный плащ из зеленой шерсти, положила ключи и книгу в сумку, привязанную к поясу. Потом, держа в руке перчатки, отодвинула тяжелый железный засов и вышла на тихую улицу.

Свободолюбивая девушка под рассветным февральским небом.

---

¹ Пшеничный хлеб (*фр.*).

ГЛАВА 3

Первые лучи солнца уже начинали прогревать воздух, и клубы тумана, завихряясь, поднимались над булыжной мостовой. В розовом свете площадь Гран-Пюи выглядела безмятежной. Мину вдохнула полной грудью и едва не ахнула от обжигающего ощущения холода в легких, потом зашагала к главным воротам, сквозь которые пролегалла дорога в Ситэ и из него.

Поначалу вокруг не было видно ни души. Продажные женщины, прогуливавшиеся по улицам ночью, с рассветом скрылись. Картежники и игроки в кости, заседавшие в таверне «Сен-Жан», давным-давно отправились спать. Мину подобрала юбки, чтобы ненароком не задеть следы вчерашнего разгула: разбитые пивные кружки, попрошайку, прикорнувшего в обнимку с блохастым псом. Епископ потребовал на время Великого поста закрыть все постоянные дворы и таверны в пределах Ситэ. Сенешаль, памятуя об оскудевшей королевской казне, отказался. Ни для кого — если верить Риксенде, которая была в курсе всех слухов, — не было секретом, что нынешние обитатели епископского дворца и замка Комталь не питали друг к другу горячей любви.

Высокие островерхие дома по обеим сторонам узкой улочки, которая вела к Нарбоннским воротам, казалось, клонились друг к другу, точно пьяные; их покрытые черепицей крыши едва не соприкасались между собой. Мину пробиралась сквозь гущу телег и людей, движущихся ей навстречу через ворота, поэтому продвижение ее было небыстрым.

«Эта сцена, — подумалось Мину, — вполне могла бы разворачиваться и сто, и двести лет назад, и во времена трубадуров». В Ситэ жизнь текла однообразно, день за днем, день за днем.

Ничего не менялось.

Двое вооруженных солдат регулировали поток проходящих через Нарбоннские ворота, равнодушно пропуская одних и не взглянув даже в их сторону, в то время как других останавливали и рылись в их пожитках до тех пор, пока от них не откупались. Бледное солнце поблескивало на шлемах и лезвиях алебард. Королевские гербы на голубых плащах-сюрко выделялись своей яркостью на фоне унылых серо-коричневых великопостных одеяний.

Подойдя ближе, Мину узнала Беранже, одного из тех многих, у кого имелись причины быть благодарным ее отцу. Большинство местных солдат — в отличие от расквартированных в гарнизоне уроженцев Лиона и Парижа — не умели читать на королевском французском. Многие и говорить между собой предпочитали на древнем языке их края, Окситании, когда считали, что за ними никто не наблюдает. И тем не менее им присылали бумаги и отдавали письменные приказы, а затем наказывали, если они в точности не исполняли свои обязанности. Все подозревали, что это попросту еще один способ пополнить казну, а сенешаль закрывал на это глаза. Отец Мину помогал всем, кому мог, избежать неприятностей с законом, растолковывая, что означает официальный язык.

Во всяком случае, так было когда-то.

Девушка одернула себя. Что толку без конца терзать душу размышлениями о перемене, произошедшей с ее любимым папочкой. Или снова и снова воспроизводить в памяти его осунувшееся, измученное лицо.

— Доброе утро, Беранже, — поприветствовала она солдата. — Да у вас тут уже прямо настоящая толпа!

Его старое, честное лицо расплылось в улыбке.

— Доброе утречко, мадомазела¹ Жубер! Да уж, народу целая уйма, в такой-то ненастный день! Они все ждали у ворот еще задолго до того, как начало светать.

— Наверное, — сказала Мину, — в нынешний Великий пост сенешаль вспомнил о своем христианском долге и раздает беднякам милостыню. Как думаешь? Возможно такое?

---

¹ *Madomaisèla* — мадемуазель (окс.).

Мосс К.

М 83 Огненные палаты : роман / Кейт Мосс ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-15552-7

Во Франции 1562 года неспокойно, говорят, что грядет война, но и в преддверии кровавых потрясений обывательская жизнь идет своим чередом... Юной Маргарите, дочери книготорговца из Каркасона, придется заботиться о семье и вести дела вместо отца, внезапно утратившего всякий интерес к жизни. Однажды девушка получает анонимное письмо с загадочной гербовой печатью — в послании всего несколько слов. Кто может угрожать ей? Она хочет поделиться с отцом своей тревогой, но тот не готов к откровенному разговору. Его гнетет тайна, которую он пока не решается открыть дочери...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ МОСС
ОГНЕННЫЕ ПАЛАТЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.07.2019. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-23937-01-R